

Альфонс Доде

Порт-Тараскон. Последние приключения славного Тартарена

Перевод с французского
Николая Любимова

ФТМ

Тартарен из Тараскона

Альфонс Доде

**Порт-Тараскон.
Последние приключения
славного Тартарена**

«ФТМ»

1890

Доде А.

Порт-Тараскон. Последние приключения славного
Тартарена / А. Доде — «ФТМ», 1890 — (Тартарен из
Тараскона)

«... 13 июня 1889 года Э. Гонкур записал, что Доде сообщил ему о своей работе над „Порт-Тарасконом“. „Затея, по-моему, ненужная, – добавляет Гонкур, – у Доде всегда столько замыслов, а он занимается третьим изданием типа, и так более чем достаточно показанного публике в первых частях“. Однако пессимизм Гонкура был неоправдан: Доде сумел найти и новый материал, и новые краски для своего излюбленного героя. ...»

Содержание

Книга первая	9
I	9
II	15
III	22
IV	30
V	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Альфонс Доде

Порт-Тараскон

Последние приключения славного Тартарена

*ЛЕОНУ АЛЛАРУ,
тонкому и глубокому романисту, автору «Вымыслов» и
«Молчаливых жизней»,
его брат и друг Альфонс Доде посвящает эту юмористическую
книгу.*

Это было в сентябре, и это было в Провансе, во время сбора винограда, лет пять-шесть тому назад.

Сидя в большом экипаже, запряженном парой камаргских лошадей, мчавших во весь дух поэта Мистраля, моего старшего сына и меня на тарасконский вокзал к скорому поезду Париж – Лион – Марсель, мы любовались угасавшим днем, матовым, бледным от зноя, истомленным, пылким и страстным, как лицо прекрасной южанки.

Несмотря на быструю езду, не чувствовалось ни малейшего движения воздуха. По обочинам рос испанский тростник, стройный, негнувшийся, с длинными лентовидными листьями. И на всех этих проселочных дорогах, белых как снег, неправдоподобно белых, покорно хрустел песок под колесами и длинной вереницей тянулись тележки с черным виноградом, но только с одним черным, а сзади молча и чинно шагали рослые, статные, длинноногие, черноглазые парни и девушки. Всюду, куда ни посмотришь, целые гроздья черных виноградинок – в плетушках, в чанах; всюду, куда ни посмотришь, целые гроздья черных глаз – под загнутыми полями войлочных шляп виноградарей, под головными платками, концы которых женщины держали в зубах.

Порою где-нибудь на повороте в безоблачное небо упирался крест, на перекладине которого, с обоих концов, висели тяжелые черные гроздья, кем-то подвешенные по обету.

– Глянь!.. – умиленно шептал мне Мистраль, с почти материнской гордостью улыбаясь этим проявлениям наивного язычества его родных провансальцев, а затем возвращался к своему рассказу, к какой-нибудь прелестной, благоуханной и златотканной сказке, рожденной на берегах Роны, – сказки эти он, как некий провансальский Гете, рассеивал направо и налево обеими своими щедрыми руками, одна из которых – поэзия, а другая – правда.

О, словесное колдовство, о, чудодейственное сочетание времени дня, окрестных видов и величавой народной легенды, свиток которой поэт развешивал перед нами, пока мы ехали по узкой дороге, меж оливковых деревьев и виноградных лоз!.. Как хорошо мне было тогда, какой безоблачной и легкой казалась жизнь!

Внезапно глаза мои затуманились, тоска сжала мне сердце.

– Какой ты бледный, папа! – сказал мой сын.

А я едва нашел в себе силы прошептать, показывая на замок короля Рене, все четыре башни которого глядели, как я мчусь к ним из полевой дали:

– Тараскон!

Дело в том, что у меня с тарасконцами старые счеты. Я знал, что они на меня в большой обиде, что они на меня очень сердятся за мои шутки над их городом и над их великим человеком, знаменитым, бесподобным Тартареном. Я часто получал анонимные письма, угрожавшие мне: «Попробуй только проехать через Тараскон!» Другие обрушивали на мою голову месть героя: «Трепещите! У старого льва есть еще клюв и когти!»

Лев с клювом! Вот тебе на!

Но это еще что: начальник областного полицейского управления сообщил мне, что на одного парижского коммивояжера, на свое несчастье оказавшегося моим однофамильцем, а может быть, просто желавшего втереть людям очки, прибывшего в гостиницу и расписавшегося в книге для приезжающих: «Альфонс Доде», напали в дверях кафе какие-то грубияны и чуть было, по местному обычаю, не искупали в Роне:

Охотой иль неволей,
Но только в эти дни
Из башен Тараскона
Бултых – и прямо в Рону
Попрыгают они.

Этот старинный куплет 93-го года распевают здесь и поныне и снабжают мрачными комментариями, поясняющими драму, свидетелями которой явились в те времена башни короля Рене.

Итак, мне не очень улыбалось, чтобы меня вышвырнули из башни Тараскона, и я, странствуя по югу, всегда старался объезжать этот милый город. Но на сей раз злая судьба, желание обнять моего дорогого Мистраля, возможность попасть на скорый поезд только в Тарасконе – все это бросало меня прямо в пасть ко льву с клювом.

Один Тартарен – это бы еще куда ни шло: встреча с ним лицом к лицу, дуэль на отравленных стрелах под сенью деревьев Городского круга меня бы не испугала. Но гнев народа, и потом Рона, глубокая Рона!..

Ах! Смею вас уверить, что путь романиста не сплошь усеян розами...

Но – странное дело! Чем ближе мы подъезжали к городу, тем пустынное становились дороги, тем реже попадались тележки с виноградом. Некоторое время спустя мы уже ничего не видели перед собой, кроме безжизненной белой дороги, а кругом царили простор и безлюдье глуши.

– Чудно! – тихо сказал слегка озадаченный Мистраль. – Можно подумать, что сегодня воскресенье.

– Если б воскресенье, звонили бы колокола... – так же тихо ответил мой сын, ибо в тишине, окутывавшей и город, и предместье, было что-то подавляющее. Ни удара колокола, ни крика, ни звона наковальни, всегда так явственно слышного в струящемся воздухе юга, ничего. Но вот в конце дороги показались первые здания окраины – маслобойня, свежоштукатуренная таможня. Приехали.

Каково же было наше изумление, когда мы, въехав на мощеную улицу, обнаружили, что здесь никто не живет: двери и окна заколочены, ни кошек, ни собак, ни ребят, ни кур – ни души; у закопченного входа в кузницу нет больше двух колес, которые прежде стояли здесь по бокам; высокие рамы с сеткой, защищавшие тарасконские дома от мух, убраны с порогов, – они исчезли, как и сами мухи, как и чудесный запах супа с чесноком, запах, который в этот час клубами вырывался из кухонь.

Тараскон больше не пахнул чесноком – можете себе представить!

Мы с Мистралем в ужасе переглянулись. И то сказать: было от чего прийти в ужас. Приготовиться к реву разъяренной толпы, а вместо этого обрести мертвую тишину Помпеи!

В городе, где мы знали всех домовладельцев по именам, где каждая лавчонка была нам знакома с детства, ощущение пустоты и заброшенности еще усилилось. Закрыта аптека Безюке на Малой площади, оружейный магазин Костекальда тоже закрыт, кондитерская Ребюфа, где продавались «наилучшие» леденцы, тоже. Исчезли дощечка на двери нотариуса Камбалалета и написанная на полотне вывеска Мари-Жозефа-Спиридиона Экскурбаньеса, изготовителя арльской колбасы, – надо вам сказать, что арльская колбаса всегда изготовлялась в Тарасконе, считаю своим долгом указать на этот исторический парадокс.

Но что же все-таки случилось с тарасконцами?

Мы ехали мимо Городского круга, под прохладною тенью платанов, поднимавших гладкие белые стволы на равном расстоянии один от другого, и не слышали стрекотания цикад. Цикады – и те улетели! А перед домом Тартарена, домом с закрытыми ставнями, таким же слепым и немым, как и дома соседние, у низкой ограды знаменитого садика не осталось ни одного ящика для чистки обуви, и никто не кричал: *«Пчистим, гаспдин?»*

– Уж не холера ли? – сказал кто-то из нас.

В самом деле: когда в Тарасконе бывает эпидемия, население уходит из города, разбивает палатки на значительном от него расстоянии и пребывает там до тех пор, пока не пройдет зараза.

При слове «холера», которого все провансальцы безумно боятся, кучер ударил по лошадям, и несколько минут спустя мы подъехали к лестнице вокзала, который находится на одном уровне с высоким виадуком, возвышающимся над городом.

Здесь жизнь была ключом, слышались человеческие голоса, мелькали человеческие лица. По расходившимся во все стороны рельсам непрерывно катились поезда, брали подъем, шли под уклон, останавливались, и тогда хлопали дверцы вагонов и выкрикивались названия станций:

– Тараскон! Поезд стоит пять минут... Пересадка на Ним, Монпелье, Сет...

Мистраль побежал к начальнику станции, старому служаке, уже около тридцати пяти лет протрубившему на этом вокзале.

– Э, господин Пикар!.. А тарасконцы? Где же они? Что вы с ними сделали?

Начальник станции подивился нашей неосведомленности:

– Как?.. Вы ничего не знаете?.. Да вы что, с луны свалились?.. Газет не читаете?.. А ведь тарасконцы раззвонили на всю вселенную о своем острове – острове Порт-Тараскон... Да, да, почтеннейший... Тарасконцы уехали... Уехали во главе со знаменитым Тартареном основывать колонию... И увезли с собой все, захватили с собой даже Тараска!

Тут он нас оставил и пошел на линию, чтобы отдать распоряжения, кого-то подстегнуть, а мы стали смотреть вниз, где в лучах заката высились башни, колокольни и колоколенки брошенного города и его древняя крепостная стена, которую солнце так чудесно разрумянило, что ее, право, можно было принять за поджаристую корку от паштета из дичи.

– А скажите, господин Пикар, – спросил Мистраль у начальника станции, с добродушной улыбкой возвращавшегося к нам и, по-видимому, нисколько не огорченного кочевничеством Тараскона, – как давно они эмигрировали?

– Полгода назад.

– А какие-нибудь сведения о них есть?

– Никаких.

Увы! Некоторое время спустя мы получили эти сведения, сведения подробные и точные, что и дало мне возможность рассказать вам об исходе доблестного маленького народца, последовавшего за своим героем, и о посыпавшихся на тарасконцев бедах.

Паскаль сказал: «Нужно, чтобы было и утешительное и истинное, но нужно, чтобы и это утешительное было основано на истинном». В истории Порт-Тараскона я пытался следовать его завету.

Мой рассказ основан на истинном, составлен по письмам эмигрантов, по «Мемориалу» юного секретаря Тартарена, по материалам, заимствованным из «Судебной газеты», и если все же вы кое-где наткнетесь на какую-нибудь из ряда вон выходящую тарасконаду, то, лопни мои глаза, не я ее выдумал!¹

Автор

¹ Отсылаю читателей к газетам, в которых двенадцать лет назад освещался процесс «Новой Франции» и колонии Порт-Бретон, а также к изданной Дрейфусом любопытной книге участника этой экспедиции, доктора Бодуэна. (Прим. авт.)

Книга первая

I

Жалобы Тараскона на существующий порядок вещей. Быки. «Белые отцы». Тарасконец в раю. Осада и капитуляция Памперигустского аббатства

– Бранкебальм, дорогой мой!.. Я недоволен Францией!.. Правительство всюду сует свой нос.

Эти достопамятные слова, которые однажды вечером соответствующим тоном и с подобающими жестами произнес Тартарен в Клубе у камина, дают точное представление о том, что думали и говорили в Тарасконе-на-Роне за два, за три месяца до эмиграции. Обычно тарасконец политикой не занимается: беспечный по природе, равнодушный ко всему, что не имеет к нему непосредственного отношения, он, по его собственному выражению, стоит за существующий порядок вещей. Однако с некоторых пор он пришел к выводу, что существующий порядок вещей требует существенных изменений.

– Правительство всюду сует свой нос! – твердил Тартарен.

Под этим «всюду» подразумевалось прежде всего запрещение боя быков.

Вы, конечно, знаете историю одного тарасконца, дурного христианина и первостатейного негодяя, который после смерти случайно проскочил в рай в тот момент, когда апостол Петр отвернулся, и потом ни за что не хотел оттуда уходить, как ни молил его всехвальный ключарь. Что же тогда предпринял первоверховный апостол? Он отрядил целый сонм анге-

лов кричать что есть мочи перед райскими воротами: «Эй! Эй!.. Быки!.. Эй! Эй!.. Быки!..» Так кричат в Тарасконе, когда начинается бой быков. Услышав это, разбойник изменился в лице:

- Разве у вас, апостол Петр, бывают здесь бои быков?
- Бои быков?.. А как же!.. Замечательные, я тебе скажу, бои, почтеннейший.
- Но где же... где же они происходят?
- Перед раем... Там, понимаешь, просторно.

Тарасконец стремглав бросился смотреть бой быков, и двери рая закрылись для него навсегда.

Привел я здесь эту легенду, такую же древнюю, как скамейки на Городском кругу, только для того, чтобы читатели могли себе представить, как обожают тарасконцы бой быков и как они возмутились, когда на этот вид зрелищ был наложен запрет.

За этим последовал указ о выселении «белых отцов» и о закрытии их прелестного монастыря в Памперигусте, сотни лет стоявшего на холмике, сером от тимьяна и лаванды, неподалеку от городской окраины, откуда видны среди сосен кружевные монастырские колоколенки, чей перезвон в прозрачном утреннем воздухе сливался с трелями жаворонков, а в сумерки – с печальными криками куликов.

Тарасконцы очень любили «белых отцов», ласковых, добрых, безобидных, умевших настаивать на душистых травах, росших на горке, великолепный эликсир. Любили они их и за паштеты из ласточек, и за их превкусные *пампери*, то есть за пирожки с тонкой золотистой корочкой, внутри которых была айва, откуда, собственно, и повелось название аббатства – Памперигуст.

И вот когда отцы, получив официальное уведомление о том, что им надлежит покинуть обитель, не подчинились приказу, тарасконская меньшая братия – тысячи полторы-две носильщиков, чистильщиков обуви, грузчиков, словом, так называемое простонародье, – заперлась вместе с честными иноками в Памперигусте.

Тарасконские мещане и завсегдатаи Клуба во главе с Тартареном, разумеется, тоже выразили желание поддержать это правое дело. Они не колебались ни одной минуты. Но без подготовки в подобные предприятия не пускаются. Поступать необдуманно – это к лицу меньшей братии.

Прежде всего потребовались соответствующие наряды. И наряды были заказаны, заказаны превосходные одеяния времен крестовых походов – длинные черные балахоны с большим белым крестом на груди и с вышитыми галуном скрещенными костями спереди, сзади, всюду. На вышивание ушло особенно много времени.

Когда же все было готово, оказалось, что монастырь окружен. Войска, расположившись лагерем в полях и на кремнистых склонах холмика, сжали обитель тройным кольцом.

Красные штаны среди тимьяна и лаванды напоминали издали буйно цветущие маки.

На дорогах можно было каждую минуту наткнуться на разъезд; у всадников вдоль бедра свешивался карабин, за поясом торчала кобура револьвера, сабля в ножнах хлопала коня по боку.

Но подобной дислокацией невозможно было запугать бесстрашного Тартарена и большинство клубных завсегдатаев, решивших во что бы то ни стало пробиться к монастырю.

Принимая все меры предосторожности, пускаясь на классические хитрости куперовских дикарей, они то ползли один за другим мимо погруженных в сон неприятельских палаток, то обходили часовых и разъезды, давая друг другу знать об опасности неумелым подражанием птичьим крикам, и наконец миновали расположение осаждающих войск.

Какую нужно было иметь храбрость, чтобы пойти на такой риск в лунную ночь, когда светло, как днем! Справедливость требует, впрочем, заметить, что в интересах осаждающих было пропустить в монастырь как можно больше народу.

Целью войска было взять монастырь не силой, а измором. Поэтому солдаты, заведев при месячном и звездном свете блуждающую тень, сейчас же отворачивались. Офицеры, которым не раз доводилось пить в Клубе абсент со знаменитым истребителем львов, узнавали Тартарена издали, несмотря на его маскарад, и дружески его приветствовали:

— Доброго здоровья, господин Тартарен!

Придя в обитель, Тартарен немедленно организовал оборону.

Этот молодец удосужился прочесть все книги об осаде и о блокаде. Сформировав тарасконское ополчение под командой бравого командира Бравида, он, исходя из опыта Севастополя и Плевны, заставил ратников ополчения рыть, рыть и рыть землю и окружил аббатство валами, рвами и всякого рода фортификационными сооружениями, кольцо которых все сжималось и сжималось, так что в монастыре нечем стало дышать, и осажденные как бы сами себя замуровали в толще своих укреплений, а осаждающим только этого и надо было.

В монастыре, превращенном в крепость, была введена военная дисциплина. При осадном положении так оно и следовало. Все делалось под бой барабана и под звуки труб.

Людей чуть свет будил барабан, рокотавший во дворе, в коридорах, под сводами. Барабан бил с утра до вечера — он скликал на молитву: трата-та, призывал отца казначея: трата-

та́та, отца эконома: та́та-та́та-та́. Звуки труб, громкие, повелительные, отрывистые, резали слух. Трубили к вечерне, к утрени, к обедне. Это был позор для осаждающего войска, производившего гораздо меньше шума на просторе полей, тогда как на вершине холмика, за тонкими зубцами аббатства-крепости, трубный звук и барабанный бой, сливаясь с перезвоном колоколов, порождали торжествующую разноголосицу, и эта полувоинственная, полусвященная радостная песнь разносилась далеко окрест.

Между тем осаждающие, черт бы их душу взял, спокойно стояли себе станом, ни о чем не заботились, легко раздобывали съестные припасы и целыми днями пировали. Прованс, страна лакомств, производит столько вкусных вещей! Прозрачные золотистые вина, арльские сосиски и колбасы, нежные дыни, сочные арбузы, монтелимарская нуга – всем этим наслаждались правительственные войска, а в заблокированном аббатстве только облизывались.

Итак, с одной стороны, солдаты, которым прежде и во сне не снился такой праздник, которые жирели до того, что на них лопались мундиры, и кони с округлившимися лоснящимися крупами, а с другой – увы! – бедные тарасконцы, точнее, бедные тарасконские простолюдины: они рано вставали, поздно ложились, выбивались из сил, вечно находились в движении, днем и ночью копали и возили на тачках землю; опаляемые солнцем и огнем факелов, они сохли и худели так, что жалость брала на них смотреть.

В довершение всего запасы их преподобий были на исходе: пампери и паштеты из ласточек подходили к концу.

Сколько еще можно держаться?

Этот вопрос обсуждался ежедневно на земляных валах и насыпях, трескавшихся от засухи.

– А эти трусы все не идут в атаку! – говорили тарасконцы, показывая кулак красным штанам, валявшимся на траве под соснами. Мысль же о том, чтобы самим идти в атаку, не приходила им в голову – так силен в этом храбром народе инстинкт самосохранения.

Один-единственный раз неугомонный Экскурбаньес предложил устроить грандиозную вылазку, выставив монахов вперед, и опрокинуть наемное войско.

Тартарен пожал своими могучими плечами и сказал ему в ответ:

– Дитя!

Затем он взял пылкого Экскурбаньеса под руку и, приведя его на самый верх контрэскарпа, широчайшим жестом обвел войсковые соединения, расположившиеся по уступам холма, и патрули, расставленные на каждой тропинке.

– Кто осаждает: они или мы?.. Разве мы должны идти на приступ?..

Вокруг послышался одобрительный шепот:

– Конечно... Он прав... Начать должны они, раз они осаждают...

И тарасконцы лишний раз убедились, что военную тактику Тартарен изучил лучше всех.

Тем не менее нужно было на что-то решиться.

И вот однажды в большой зале капитула, зале с высокими окнами и резной деревянной панелью, собрался совет, и отец эконом представил отчет о ресурсах крепости. Все «белые отцы» слушали его молча, выпрямившись на своих *пожалей-мою-старость* – этих ханжеских полусиденьях, на которых монахи сидели так, что казалось, будто они стоят.

Отчет отца эконома оказался ох каким плачевным! Сколько тарасконцы сожрали с начала осады! Столько-то сотен паштетов из ласточек, столько-то тысяч пампери, столько-то того, столько-то сего! От всех тех изделий, которые перечислил отец эконом и которыми монастырь вначале был вполне обеспечен, осталось мало, совсем мало, можно сказать – ничего.

У святых отцов вытянулись лица, они переглянулись, и каждый про себя решил, что если бы к ним не пришли на помощь, то при условии, что неприятель не прибегнул бы к крайним мерам, они могли бы, ни в чем решительно не нуждаясь, протянуть несколько лет. Отец эконома монотонно и уныло продолжал читать, как вдруг послышались крики.

Дверь в залу с шумом распахнулась, и на пороге появился Тартарен, весь красный, взволнованный, с трагическим выражением лица, с всклокоченной бородой, вздымавшейся над белым крестом. Отсалютовав шпагой сперва настоятелю, державшемуся прямо на своем *пожалей-мою-старость*, а затем поочередно всем членам капитула, он торжественно заявил:

— Ваше высокопреподобие! Я ничего не могу поделать с моими людьми... Они мрут с голоду... Все водоемы пусты. Мы должны или сдать крепость, или похоронить себя под ее обломками.

Тартарен умолчал о том, что являлось для него огромным лишением: он уже две недели не пил по утрам шоколаду, а между тем он спал и видел густой, дымящийся, маслянистый

шоколад, который он привык запивать холодной прозрачной водой, здесь же, в монастыре, ему приходилось довольствоваться солоноватой водой из водоемов.

Совет тотчас же встал, и все заговорили разом; решение было вынесено единодушно:

– Сдать крепость... Крепость необходимо сдать...

Один лишь отец Баталье, человек горячий, предложил взорвать монастырь остатками пороха и вызвался сам поджечь фитиль.

Но отца Баталье не стали слушать, и как только спустилась ночь, монахи и ратники ополчения вместе с Экскурбаньесом, Бравида, Тартареном и прочими клубными завсегдатаями – одним словом, все защитники Памперигуста, оставив ключи в замочных скважинах, на сей раз без барабанов и горнов вышли из монастыря и вереницею озаренных луной призраков молча спустились с холма, провожаемые добродушными взглядами вражеских часовых.

Приснопамятная защита аббатства покрыла Тартарена неувядаемой славой, но после того, как войска заняли обитель «белых отцов», тарасконцы затаили злобу в сердце своем.

II

Аптека на Малой площади. Появление северянина. «С нами бог, ваша светлость!» Рай за морем

Некоторое время спустя после закрытия аббатства аптекарь Безюке в обществе своего ученика Паскалона и его преподобия отца Баталье вдыхал у дверей аптеки вечернюю прохладу.

Надо вам сказать, что тарасконцы приютили рассеявшихся монахов у себя. Каждая тарасконская семья пожелала взять к себе «белого отца». Люди зажиточные, как, например, лавочники, почтенные буржуа, брали на свое иждивение каждый по одному монаху, а ремесленники составляли товарищества и содержали святых отцов в складчину.

В любой лавке можно было видеть белую рясу с капюшоном. У оружейника Костекальда, среди ружей, карабинов и охотничьих ножей, за прилавком у галантерейного торговца Бомвейля, из-за рядов катушек с шелковыми нитками, выглядывала большая белая птица, напоминавшая ручного пеликана. «Белые отцы» приносили в дом счастье. Обходительные, покладистые, всем довольные, скромные, они никого не стесняли, умели вовремя стусеваться, и вместе с тем от них исходил дух кротости и незлобия, тарасконцам несвойственный.

Казалось, сам господь посетил тарасконские жилища: мужчины перестали браниться и сквернословить, женщины больше не лгали или, вернее, почти не лгали, малыши были паиньками и держались прямо на своих высоких стульчиках.

Утром и вечером, перед завтраком и после ужина, когда полагалось читать: «Благослови...» и «Благодарим тебя...», большие белые рукава, точно крылья ангела-хранителя, приосеняли собравшуюся за столом семью, и с этой почившей на них благодатью тарасконцы уже не могли не вести жизнь благочестивую и праведную.

Каждый из них гордился своим иноком, расхваливал его, хвастался им, в особенности же – аптекарь Безюке, которому благая судьба послала отца Баталье.

Порывистый, пылкий, проповедник по призванию, славившийся своим искусством рассказывать притчи и легенды, его преподобие отец Баталье был чудный малый, хорошо сложенный, загорелый, с глазами, как угли, и притом настоящий сорвиголова. Плотная ряса с длинными складками придавала ему внушительный вид, несмотря на то, что одно плечо у него было выше другого и ходил он как-то боком.

Эти его мелкие недостатки становились совсем незаметными, когда, окончив проповедь, но все еще дрожа от волнения, потрясенный собственным красноречием, он сходил с кафедры и, задрав нос кверху, поспешно пробирался в толпе по направлению к ризнице. Его восторженные поклонницы на ходу отрезали ножницами кусочки от его белой рясы; по сему обстоятельству он получил прозвище «инока с фестончиками», и ряса его всегда была так изрезана и так быстро изнашивалась, что одевать отца Баталье являлось для монастыря делом весьма нелегким.

Итак, Безюке расположился с Паскалоном возле аптеки, а напротив верхом на стуле восседал отец Баталье. Они блаженствовали на свежем воздухе и наслаждались безмятежным покоем, ибо в это время дня в аптеку к Безюке никто уже не заходил. Равным образом ночью тарасконцы вольны были корчиться и извиваться от боли – доблестный аптекарь ни за какие блага в мире себя не тревожил: по ночам порядочные люди, дескать, не хворают.

Безюке и Паскалон слушали одну из тех прелестных историй, которые так хорошо умел рассказывать его преподобие, а в это время где-то далеко били вечернюю зорю, и она долетала сюда вместе со всей музыкой роскошного летнего заката.

Вдруг ученик вскочил и, весь красный, взволнованный, показывая на противоположную сторону площади, пролепетал:

– Вон господин Та-Та-Тартарен!

Читатели, верно, уже заметили, что Паскалон питал особое, необыкновенное уважение к этому великому человеку, жестикулирующая тень которого вырисовывалась в огнистой предвечерней мгле рядом с каким-то изысканно одетым незнакомцем в серых перчатках, молча шагавшим и, по-видимому, слушавшим своего спутника.

Кто-нибудь с Севера, – это было совершенно ясно.

На юге Франции северянина сразу можно узнать по сдержанности, по неторопливости и сжатости речи, подобно тому как южанин сейчас же выдает себя повышенной жестикуляцией и словоизвержениями.

Тарасконцам нередко приходилось видеть Тартарена в обществе иностранцев, ибо все проездом через Тараскон считали своим долгом посетить местную достопримечательность

– знаменитого истребителя львов, досточтимого альпиниста, современного Вобана, покрывшего себя славой во время осады Памперигуста.

Наплыв посетителей открыл в истории Тараскона эру дотоле невиданного благоденствия.

Содержатели гостиниц богатели; в книжных магазинах продавалась биография великого человека; во всех витринах красовались его портреты – Тартарен был запечатлен на них в разных видах, знаменовавших различные этапы его героического жизненного пути: в костюме *тэрка*, в костюме альпиниста, в костюме крестоносца.

Но на сей раз с Тартареном был не обычный посетитель, не случайный залетный гость.

Перейдя площадь, герой величественным жестом указал на своего спутника:

– Дорогой Безюке и вы, ваше преподобие! Позвольте вам представить его светлость герцога Монского...

Герцога!.. А, чтоб!..

Герцога в Тарасконе еще не бывало. Тарасконцы чего-чего только не видели на своем веку: и верблюда, и баобаб, и львиную шкуру, и коллекцию отравленных стрел, и почетные альпенштоки... Но герцогов – никогда!

Безюке, слегка оробев при мысли, что столь высокая персона застала его врасплох, встал и поклонился.

– Ваша светлость!.. Ваша светлость!.. – бормотал он.

Тартарен перебил его:

– Войдемте, господа, – нам нужно потолковать о важном деле.

Он пригнулся и с таинственным видом первый прошел в маленькую гостиную при аптеке, единственное окно которой, выходявшее на площадь, служило витриной, где были выставлены заспиртованные зародыши, банки с солитерами, словно затянутыми в полосатое трико, и пакетики камфарных папирос.

Как истые заговорщики, они плотно затворили за собой дверь. В аптеке остался один Паскалон, которому Безюке дал наказ принимать посетителей, но ни под каким видом никого из них не подпускать к гостинной.

Озадаченный ученик принялся расставлять по полкам коробки с грудной ягодой, пузырьки с *sirupus gummi* и другие аптекарские товары.

По временам до него доносился шум, в котором он различал глухой голос Тартарена, произносившего какие-то необыкновенные слова: «Полинезия... земной рай... сахарный тростник, винокуренные заводы... Свободная колония». Затем послышался возглас отца Баталье: «Браво! Я согласен». Зато северянин говорил так тихо, что его совсем не было слышно.

Паскалон приложил было ухо к замочной скважине, как вдруг дверь с треском распахнулась, ибо ее – *manu militari*² – привела в движение мощная длань святого отца, и ученик откатился на противоположный конец аптеки. Но в суматохе никто не обратил на него внимания.

Тартарен остановился на пороге и, показав пальцем на головки мака, сушившиеся под потолком, с видом архангела, потрясающего мечом, воскликнул:

– С нами бог, ваша светлость! Нам предстоят великие дела!

За этим последовала путаница протянутых рук, которые одна другую искали, переплетались, одна другую пожимали, одна другую энергично встряхивали, как бы для того, чтобы навеки скрепить нерушимое обязательство. Разгоряченный этим порывом, Тартарен выпрямился, как будто бы вырос и вместе с герцогом Монским вышел из аптеки, чтобы продолжить обход города.

² Здесь – страшным ударом (*лат.*).

Два дня спустя на столбцах двух тарасконских газет – «Форума» и «Свирели» – появилось множество статей и реклам, касавшихся одного грандиозного начинания. Общий заголовок был набран крупными буквами: «СВОБОДНАЯ КОЛОНИЯ ПОРТ-ТАРАСКОН». Под ним были напечатаны сногшибательные объявления: «Продается земля по пяти франков за гектар, дающая несколько тысяч франков годового дохода... Можно быстро и без всякого риска нажить состояние... Требуются колонисты».

Далее следовало описание острова, где должна была основаться предполагаемая колония, причем указывалось, что вокруг этого острова, купленного у короля Негонко герцогом Монским во время его путешествия, расположены другие острова, которые можно будет приобрести впоследствии, дабы расширить территорию колонии.

Климат райский, температура, несмотря на близость экватора, умеренная, между 25 и 28, с колебаниями в пределах 2—3 градусов. Земля в высшей степени плодородная, обильно орошаемая; кругом леса; остров круто поднимается над уровнем моря, что даст возможность каждому выбрать себе высоту соответственно своему темпераменту. Съестного сколько угодно, деревья увешаны дивными плодами, в лесах и в полях водится разнообразная дичь, в реках полно рыбы. С точки зрения коммерческой и навигационной опять-таки все великолепно: чудный рейд, на котором может стоять целая флотилия, надежная гавань, защищенная молами, внутренний рейд, сухой док, набережная, дебаркадер, маяк, сигнальная мачта, паровые краны – все, что угодно.

Работы уже начаты китайскими и канакскими рабочими под руководством крупнейших инженеров по проектам выдающихся архитекторов. Колонистов ожидают комфортабельные помещения, а за доплату всего лишь в пятьдесят франков при помощи некоторых сложных комбинаций дома могут быть отделаны на любой вкус.

Можете себе представить, как разыгралось воображение тарасконцев, когда они прочитали об этих чудесах! В каждой семье строились планы. Один мечтал о зеленых ставнях, другой – о красивом подъезде. Кто предпочитал кирпич, а кто – песчаник.

Тарасконцы рисовали, раскрашивали и все пристраивали и пристраивали: недурно бы еще и голубятню, не мешало бы еще и флюгер.

– Ах, папа, а веранда?

– Ну что ж, дети мои, веранда так веранда!

Куда, мол, ни шло!..

Пока богатейшая фантазия славных жителей Тараскона трудилась над благоустройством идеальных помещений, все южные газеты успели перепечатать статьи из «Форума» и «Свирели», а все южные города и селения были наводнены проспектами с виньетками в виде пальм, кокосов, бананов, латаний – словом, тут была представлена вся экзотическая флора. Во всем Провансе велась яростная пропаганда.

По пыльным дорогам тарасконских пригородов крупной рысью мчался кабриолет Тартарена, и правил своим кабриолетом он сам, а рядом, тесно к нему прижавшись, сидел на передке отец Баталье, так что спины их служили опорой для герцога Монского, прикрывавшего лицо зеленой вуалью от заедавших его москитов, которые неотступно вились вокруг него жужжащими полчищами, жаждавшими крови северного человека, и жалили немилосердно, так жалили, что от их укусов у него распухло лицо.

Да, это был настоящий северянин! Ни одного жеста, ни одного лишнего слова, и какая выдержка!.. Он не заносился, он ничего не преувеличивал, он смотрел на вещи трезво. На него вполне можно было положиться.

И на маленьких площадях, затененных листвою платанов, в старинных предместьях, в засиженных мухами кабачках, в танцевальных залах – всюду произносились напутственные слова, проповеди, устраивались совещания.

Герцог Монский кратко и точно, с той простотой, какой требует нагая истина, перечислял красоты Порт-Тараскона и выгоды этого предприятия. Монах произносил пламенные речи в духе Петра Пустынника и призывал к эмиграции. Тартарен, окутанный дорожной пылью, словно пороховым дымом, выкрикивал своим зычным голосом громкие слова: «Торжество, победа, новое отечество», – которые он решительным жестом как бы посылал куда-то далеко, через головы слушателей.

Иной раз устраивались дискуссии в форме вопросов и ответов:

– А что, ядовитые животные там водятся?

– Ни одного нет. Ни одной змеи. Даже москитов нет. Диких зверей тоже нет совершенно.

– Но говорят, в Океании живут людоеды?

– Что вы! Там все вегетарианцы...

– Правда, что дикари ходят нагишом?

– Это похоже на правду, но только далеко не все. Ну да мы их оденем.

Статьи, собрания – все это имело успех головокружительный. Простак снимались с места сотнями, тысячами, число эмигрантов все возрастало – и не только за счет Тараскона: эмигранты прибывали со всего юга Франции! Даже из Бокера. Да, кстати: Тараскон считал жителей Бокера изрядными нахалами.

Эти два соседних города, разделенные одною лишь Роной, питают друг к другу вековую затаенную ненависть, которая, видимо, не пройдет никогда.

Если вы станете доискиваться причин, то обе стороны ответят вам ничего не значащими словами.

– Знаем мы этих тарасконцев... – с загадочным видом говорят бокерцы.

А тарасконцы, лукаво подмигивая, заявляют:

– Всем известно, что такое господа бокерцы.

Как бы то ни было, города эти друг с другом не общаются, мост перекинут между ними зря. Все равно никто по нему не ходит. Во-первых, по причине вражды, а во-вторых, вот почему: из-за силы ветра и ширины реки в этом месте переход через мост считается опасным.

Но хотя колонистов из Бокера и не принимали, однако вносить деньги никому не возбранялось. Пресловутые «пятифранковые гектары» (доход – несколько тысяч франков) разбিরались нарасхват. Не менее охотно принимались от всех сочувствовавших этому делу пожертвования на нужды колонии. «Форум» печатал списки пожертвований; среди них попадались вещи самые неожиданные:

От неизвестного: коробочка с бусами, комплект номеров «Форума».

« г-на Бекуле: сорок пять головных сеток из синели и бусы для индианок.

« г-жи Дурладур: полдюжины носовых платков и полдюжины ножей для церковного причта.

От неизвестной: вышитое знамя для хорового кружка.

« Магелоны из Андюза – чучело фламинго.

« семейства Марг: семьдесят два собачьих ошейника.

« неизвестного: расшитый галуном камзол.

« одной набожной марсельской дамы: риза, золотая обшивка на стихарь для кадилоносца и воздух для дароносицы.

« нее же: коллекция жесткокрылых под стеклом.

И в каждом списке непременно значилось приношение мадемуазель Турнатуар: «Полный комплект одежды для дикаря». Так добрая старая дева неукоснительно выражала свою заботу о диких племенах.

Целые ящики диковинных, фантастических даров, в которых сказывалась вся причудливость южного воображения, отправлялись в Марсель – в доки, на склады Свободной колонии. Центр деятельности герцога Монского находился там.

Дело у него было поставлено на широкую ногу; сидя в своем роскошном кабинете, он учреждал то Общество производства сахара из тростника, то Общество обработки трепангов – этой особой разновидности моллюсков, которые, как указывалось в объявлении, в большой цене у китайцев, потому что в Китае трепанги считаются лакомым блюдом. Каждый день у неутомимого герцога рождалась какая-нибудь новая идея, каждый день он затевал какое-нибудь грандиозное предприятие, а вечером того же дня оно претворялось в жизнь.

Между делом он организовал товарищество марсельских акционеров под председательством греческого банкира Кагараспаки, капиталы же этого товарищества он предложил поместить в турецкий банк Паменьяи-бен-Кага, солидность которого не вызывала сомнений.

Тартарен вел теперь самый беспокойный образ жизни – он то и дело сновал из Тараскона в Марсель, из Марселя в Тараскон. Он разжигал энтузиазм своих сограждан, вел среди них пропаганду и вдруг садился на скорый поезд и мчался на какое-нибудь совещание, на заседание акционеров. Его преклонение перед герцогом росло день ото дня.

Всем он ставил в пример хладнокровного герцога Монского, благоразумного герцога Монского.

– Можете быть спокойны: уж кто-кто, а он не склонен к преувеличениям! У него не может быть тех миражей, в которых нас упрекал Доде.

В противоположность Тартарену герцог нигде не показывался, вечно прикрывался вуалью от москитов и совсем мало говорил. Северянин стушевывался перед южанином, постоянно выдвигал его вперед и предоставлял его неистощимому красноречию давать объяснения, обещания и всевозможные обязательства. Сам же отделялся одной фразой:

– В мой замысел посвящен только господин Тартарен.
Можете себе представить, как Тартарен этим гордился!

III

«Порт-тарасконская газета». Добрые вести из колонии. В Полигамии. Тараскон готовится сняться с якоря. «Не выезжайте, ради бога, не выезжайте!»

Однажды утром тарасконцы, проснувшись, увидели, что на всех перекрестках расклеена депеша следующего содержания:

«Сегодня на рассвете, приняв на борт вместе с судьбою целого народа всякую всячину для дикарей и партию земледельческих орудий, из Марселя вышло большое парусное судно „Фарандола“ водоизмещением в 1200 тонн. На „Фарандоле“ восемьсот эмигрантов, все до одного – тарасконцы; среди них военный губернатор колонии Бомпар, врач-фармацевт Безюке, его преподобие отец Везоль и нотариус Камбалалет, землемер колонии... Я сам проводил их в открытое море. Все идет отлично. Герцог сияет. Прикажите опубликовать.

Тартарен из Тараскона».

Телеграмма, расклеенная по всему городу усилиями Паскалона, которому она и была послана, обрадовала граждан. Город принял праздничный вид, жители высыпали на улицы, народ толпился вокруг каждого листка и читал депешу, радостная весть передавалась из уст в уста: «На „Фарандоле“ восемьсот эмигрантов... Герцог сияет...» Сияли и все тарасконцы.

Это уже вторую партию эмигрантов, месяц спустя после первой, отбывшей на пароходе «Люцифер», отправлял таким образом из Марселя в обетованную землю Тартарен, принявший на себя высокое звание и сложнейшие обязанности порт-тарасконского губернатора. Оба раза – такая же депеша, такой же восторг, и все так же сиял герцог. К несчастью, «Люцифер» застрял у входа в Суэц. С ним стряслась беда: сломался вал, и этот старый, купленный по случаю пароход вынужден был остановиться и ждать, пока «Фарандола» нагонит его и подаст ему помощь.

Происшествие это, которое можно было счесть дурным предзнаменованием, несколько, однако, не охладило колонизационный пыл тарасконцев. Впрочем, на борту первого судна находилась одна меньшая братия. Вы же знаете, что простолюдинов всегда посылают вперед. На «Фарандоле» тоже находилась меньшая братия, но уже вперемежку с горячими головами вроде нотариуса Камбалалета, землемера колонии.

Аптекарь Безюке, человек мирный, несмотря на свои огромные усы, любивший удобства, боявшийся и жары и холода, не питавший особого пристрастия к далеким путешествиям и опасным приключениям, долго не соглашался сесть на корабль.

Лишь диплом врача, которого он жаждал всю жизнь, мог его на это подвигнуть, и диплом этот присудил ему своею властью порт-тарасконский губернатор.

Чего-чего только наш губернатор не навывадал, каких только дипломов и свидетельств, кого и кем только не назначал: одних — начальниками, других — заместителями начальников, третьих — секретарями, четвертых — уполномоченными, сановниками первого класса, сановниками второго класса, тем самым утоляя страсть своих сограждан к титулам, почестям, знакам отличия, мундирам и галунам.

Вот только отец Везоль в подобных поощрениях не нуждался. Этот душа-человек всегда был на все согласен, всем доволен и во всех случаях жизни говорил: «Слава тебе, господи!» Выгнали из монастыря — «Слава тебе, господи!» Загнали на большое парусное судно

вместе с меньшою братией, вместе с судьбой целого народа и всякой всячиной для дикарей – все равно: «Слава тебе, господи!»

После ухода «Фарандолы» в Тарасконе остались лишь дворяне и мещане. И тем и другим не к чему было торопиться: пусть, мол, передовой отряд подаст о себе весть по приезде, тогда будет видно, как им поступить.

Тартарен пока тоже не уезжал: губернатор, организатор, осуществлявший идею герцога Монского, мог покинуть Францию только с последней партией. Но в ожидании чаемого дня он, по обыкновению, отдавал все свои силы, весь свой душевный жар тому делу, за которое взялся.

Без усталости сную между Тарасконом и Марселем, неуловимый, точно метеор, которого увлекает за собой какая-то неведомая сила, он появлялся то здесь, то там и исчезал снова.

– Не переутомляйтесь, учи-и-тель!.. – блеял Паскалон по вечерам при виде доблестного мужа, который входил в аптеку, сгорбившись и обливаясь потом.

Но Тартарен сейчас же выпрямлялся.

– Я отдохну *там*. За дело, Паскалон, за дело!

Ученик по совместительству с заведованием аптекой, которое перешло к нему после отъезда Безюке, занимал несколько еще более ответственных должностей.

Чтобы столь успешно начатая пропаганда не прекращалась, Тартарен издавал «Порт-тарасконскую газету», которую Паскалон по указаниям и под верховным руководством губернатора писал сам от первой до последней строчки.

Такого рода совмещение обязанностей было несколько невыгодно для аптеки: писание статей, чтение корректур, поездки в типографию – все это не оставляло времени для приготовления лекарств, но... Порт-Тараскон прежде всего!

Газета ежедневно давала жителям метрополии сведения о колонии. В каждом номере печатались статьи о ее естественных богатствах, о ее красотах, о том блестящем будущем, какое ее ожидает. Были там и отдел происшествий, и смесь, и рассказы на все вкусы.

Рассказы о путешествиях, об открытиях островов, о завоеваниях, о битвах с дикарями были рассчитаны на любителей приключений. Помещикам предлагались рассказы об охоте в лесах, о потрясающих уловах в обильных рыбою реках с описанием способов ловли, а также снастей, применяемых туземцами.

Люди, более мирно настроенные, как то лавочники и домоседы-мещане, наслаждались описанием завтраков прямо на свежем воздухе, на травке, возле прядящего с камней ручья, под сенью причудливых, раскидистых деревьев. Тарасконцы мысленно переносились туда и словно ощущали во рту сок вкусных плодов – плодов манго, ананаса, банана.

«И при всем том ни единой мухи!» – уверяла газета, а в Тарасконе, как известно, мухи отравляют любую увеселительную прогулку.

Газета печатала даже роман под названием «Прекрасная тарасконка» о дочери колониста, похищенной сыном папуасского короля, и перипетии этой любовной драмы открывали широкий простор воображению молодежи. В финансовом отделе помещались сообщения о ценах на колониальные товары, объявления о выпуске земельных акций и акций сахарных и винокурных заводов, а также списки подписчиков и пожертвованных вещей, которые все продолжали поступать, в том числе одежда для дикарей от мадемуазель Турнатуар.

Ради таких частых приношений непорочной деве пришлось завести у себя дома самую настоящую мастерскую готового платья. Впрочем, не у нее одной в связи с предстоявшим переездом на неведомые далекие острова появились необычные заботы.

Как-то раз Тартарен спокойно сидел в своем домике, нежась в мягких туфлях и в халате и, однако, не бездействуя, ибо на столе перед ним были разбросаны бумаги и книги: описания путешествий Бугенвиля, Дюмон-Дюрвиля, сочинения о колонизации, труды о различных сельскохозяйственных культурах. Среди отравленных стрел, в двух шагах от баобаба,

крохотная тень которого трепетала на шторах, он изучал «свою колонию» и забивал себе голову сведениями, почерпнутыми из книг. Между делом он подписывал кому-нибудь свидетельство, переводил какого-нибудь сановника из второго класса в первый или же, чтобы по возможности утишить честолубивый пыл своих сограждан, учреждал на бумаге новую должность.

Он все еще трудился, тараща глаза и надувая щеки, как вдруг ему доложили, что какая-то дама под черной вуалью, отказавшаяся назвать свое имя, хочет с ним поговорить. Не пожелав войти к нему в дом, она осталась ждать в саду, и, услышав это, Тартарен, как был, в халате и в туфлях, устремился к ней.

День угасал, сумерки скрадывали очертания предметов, но ни наступившая темнота, ни густая вуаль не помешали Тартарену сейчас же узнать посетительницу по одним ее горящим глазам, сверкавшим сквозь тюль.

– Госпожа Экскурбаньес!

– Господин Тартарен! Перед вами глубоко несчастная женщина.

Голос у нее дрожал от слез. Добряк расчувствовался и заговорил с ней отеческим тоном:

– Бедная моя Эвелина! Скажите, что с вами?..

Тартарен звал по имени почти всех дам в городе, – он знал их еще девочками, потом, в качестве представителя муниципалитета, выдавал их замуж, он был их наперсником, другом, он был для них чем-то вроде дядюшки.

Он взял Эвелину за руку и стал ходить с ней вокруг бассейна с красными рыбками, а она начала рассказывать ему о своих горестях, о своих семейных неурядицах.

С тех пор как пошли разговоры о переселении в далекие края, Экскурбаньес при всяком удобном случае с видимым удовольствием говорил ей шутливо-угрожающим тоном:

– Вот увидишь, вот увидишь, дай нам только переехать в эту самую *Полигамию*...

Будучи женщиной крайне ревливой, но в то же время простодушной, даже отчасти приглуповатой, она принимала эту шутку всерьез.

– Правда ли, господин Тартарен, что в этой ужасной стране мужчины могут жениться несколько раз?

Он мягко разуверил ее:

– Да нет же, милая Эвелина, вы ошибаетесь! Все дикари на наших островах моногамны. Нравы у них и без того строгие, а им еще предстоит перейти под начало к «белым отцам», так что с этой стороны опасаться нечего.

– А откуда же тогда название страны?.. Эта самая *Полигамия*?..

Тут только до Тартарена дошло озорство великого насмешника Экскурбаньеса, и он так и покатился со смеху:

– Ваш муж над вами подтрунивал, моя крошка. Страна называется не *Полигамия*, а *Полинезия*, что значит – группа островов, и опасного для вас тут ничего нет.

Сколько смеху было потом в Тарасконе!

Между тем дни шли за днями, а писем от эмигрантов не было – были только телеграммы, которые герцог пересылал в Тараскон из Марселя. Телеграммы эти, в спешке посылавшиеся из Адена, из Сиднея, во время остановок «Фарандолы», отличались чрезвычайной сжатостью.

Впрочем, тут не было ничего удивительного, если принять во внимание тарасконскую лень.

Собственно говоря, зачем писать письма? Достаточно телеграмм. А телеграммы, которые регулярно печатала «Порт-тарасконская газета», неизменно содержали в себе добрые вести:

«Путешествие чудесное, море как зеркало, все здоровы».

Для поддержания энтузиазма больше ничего и не требовалось.

Наконец однажды на первой странице газеты появилась следующая телеграмма, как всегда, пересланная из Марселя:

«Прибыли в Порт-Тараскон. Торжественный вход в гавань. Дружба с туземцами, вышедшими встречать на пристань. На ратуше развеивается тарасконский флаг. В кафедральном соборе отслужен молебен. Все готово, приезжайте скорее».

Под этим была напечатана продиктованная самим Тартареном восторженная статья о новом отечестве, о молодом городе, о явной милости божьей, о знамени цивилизации, восторженном на девственной земле, о будущем, открытом для всех.

После этого никто уже не колебался. Облигации нового выпуска, по сто франков за гектар, раскупались так же ходко, как раскупаются свежие булки.

Третье сословие, духовенство, дворянство – весь Тараскон хотел теперь ехать. Переселенческая лихорадка, помешательство на переселении охватили весь город; даже самые упрямые, вроде Костекальда, самые равнодушные и недоверчивые из тарасконцев – и те превратились в самых ярых сторонников заморской колонизации.

Всюду с утра до вечера полным ходом шли приготовления. Ящики заколачивались прямо на улицах, заваленных соломой и сеном, слышалась непрерывная стукотня молотков.

Бодро настроенные мужчины работали в одних жилетах, напевали, насвистывали, передавая друг другу инструменты, обменивались шутками. Женщины укладывали свои наряды, «белые отцы» – дароносицы, малыши – игрушки.

Судно, зафрахтованное для тарасконского высшего общества и окрещенное «Туту-пам-пам» (так все в Тарасконе называют тамбурины), представляло собою большой пароход, и вести его взялся тулонец Скрапушина, старый морской волк. Погрузка должна была состояться в самом Тарасконе.

Для корабля с такой небольшой осадкой Рона была достаточно полноводна, и он свободно дошел до тарасконской набережной, но самая погрузка заняла целый месяц.

Матросы расставляли в трюме бесчисленные ящики, будущие пассажиры заранее устраивались в каютах – и с каким увлечением, с какою предупредительностью друг к другу! Каждый старался быть полезным и приятным для своих спутников.

– Это место вам больше подходит? Сделайте одолжение!

– Эта каюта вам больше нравится? Пожалуйста!

И так во всем.

Тарасконская знать, обыкновенно такая чванливая, – все эти д'Эмбулиды, д'Эскюдели, привыкшие задирать нос, – держала себя теперь на равной ноге с мещанами.

Однажды утром, в самый разгар погрузки, пришло письмо от отца Везоля – это была первая почта непосредственно из Порт-Тараскона.

«Слава тебе, господи, мы приехали, – сообщал добрый инок. – Многого не хватает, а все же – слава тебе, господи!...»

Ни малейшего восторга и никаких подробностей.

Его преподобие упомянул лишь о короле Негонко и о королевской дочке Лики-Рики, прелестной девочке, которой он, Везоль, подарил нитку бисера. В заключение он просил посылать что-нибудь более практичное, нежели обычные дары жертвователей. Вот и все.

О самом порте, о городе, о том, как колонисты устроились, – ни единого слова. Отец Баталье рвал и метал:

– Ваш отец Везоль – растяпа... Вот я ему задам по приезду!

В самом деле, от такого благодушного человека можно было ожидать менее сухого письма, однако дурное впечатление, которое оно произвело, потонуло в погрузочной суматохе, в оглушительном шуме переселения целого города.

Губернатор – иначе Тартарена теперь не называли – проводил все дни на палубе «Туту-пампама». Заложив руки за спину, он с улыбкой прохаживался взад и вперед среди груд самых разнообразных предметов, не нашедших себе мест в трюме, – котомок, подсобных алтарных столиков, грелок – и с высоты своего величия поучал:

– Ну куда столько, дети мои? Все это и там можно достать.

Сам он бросил и стрелы, и баобаб, и красных рыбок, а взял с собой американский тридцатидвухзарядный карабин, запас фланели и больше ничего.

И как он за всем смотрел, как зорко за всем следил – и на корабле и в городе! Он успевал побыть и на репетициях хорового кружка, и на Городском кругу, где происходили строевые занятия ратников ополчения.

Эта тарасконская военная организация, пережившая осаду Памперигуста, была еще усилена в предвидении защиты колонии и тех боевых действий, которые решено было предпринять для ее расширения. И Тартарен, в восторге от военной выправки ратников, часто в приказах выражал благодарность как им самим, так и их командиру Бравида.

И все же по временам губернаторское чело прорезала тревожная морщина.

Дело в том, что за два дня до отплытия «Туту-пампама» ронский рыбак по имени Барафор нашел в прибрежном ивняке герметически закупоренную бутылку, сквозь все еще прозрачное стекло которой можно было различить внутри что-то вроде свернутого листа бумаги.

Все рыбаки знают, что подобные находки следует передавать властям, а потому Барафор принес губернатору Тартарену таинственную бутылку, в которой находилось сногшибательное послание:

«Европа,
Тараскон,
Тартарену.

Страшная катастрофа в Порт-Тарасконе. Остров, город, порт, все ушло под воду, все исчезло. Бомпар, как всегда, неподражаем и пал, как всегда,

жертвой своего самоотвержения. Ради бога, не выезжайте! Пусть никто не трогается с места!»

Похоже было, что кто-то созорничал. Каким чудом бутылка могла доплыть по волнам из Океании до Тараскона?

И потом: «пал, как всегда» – ну разве это не мистификация? Как бы то ни было, подобное предзнаменование омрачало триумф Тартарена.

IV

Погрузка дракона. «Полный вперед!» пчелы покидают улей. Запах Индии и запах Тараскона. Тартарен изучает папуасский язык. Дорожные развлечения

Вот вы все толкуете о живописи. Посмотрели бы вы на палубу «Туту-пампама» майским утром 1881 года – тогда бы вы поняли, что такое настоящая живописность! Все начальство было в полной парадной форме: начальник отдела здравоохранения Турнатуар, начальник сельскохозяйственного отдела Костекальд, главнокомандующий ополчением Бравида и еще человек двадцать поражали взор пестротой шитых серебром и золотом мундиров. На многих были еще красные с золотым галуном плащи, составлявшие форму одежды сановников первого класса. Среди этой разряженной толпы белым пятном выделялся отец Баталье, главный войсковой священник колонии и капеллан при губернаторе.

Особенно блистало ополчение. Большинство простых ратников было уже отправлено на других пароходах. Офицеры, с саблями на боку, с револьверами за поясом, рисовались своей стройной талией, выпячивали грудь под кокетливым доломаном с аксельбантами и нашивками и особенно гордились начищенными до блеска великолепными ботфортами.

Среди мундиров и сюртуков мелькали веселые, светлые, переливавшие всевозможными оттенками платья дам, их развевавшиеся на ветру ленты и шарфы, кое-где – тарасконские чепцы служанок. А надо всей этой толпой, над сверкавшим медью кораблем с поднятыми в небо мачтами вообразите себе чудесное, праздничное солнце, затем вообразите широкую Рону, сливающуюся на горизонте с небом, волнующуюся, точно море, взъерошенную мистралем, и вы получите полное представление о «Туту-пампаме» перед отплытием в Порт-Тараскон.

Герцог Монский не мог присутствовать при отправке корабля – его задержал в Лондоне выпуск новых акций. И то сказать: какая уйма денег нужна на содержание пароходов, экипажа, инженеров, на покрытие всех расходов по переселению! Сегодня утром герцог известил телеграммой, что деньги высланы. И все восхищались деловитостью северянина.

– Какой пример для нас с вами, господа! – восклицал Тартарен и всякий раз неукоснительно прибавлял: – Будем же ему подражать... Довольно увлечений!..

Надо отдать Тартарену справедливость, сам он держался очень спокойно, одет был просто и никому пыли в глаза не пускал, в отличие от других разряженных начальников, только на сюртуке у него красовалась надетая через плечо лента ордена первой степени.

С палубы «Туту-пампама» видно было, как на перекрестках появлялись группами колонисты, как они потом растекались по набережной, наконец их узнавали и называли по именам:

– А вот и Роктальяды!..

– Э! Господин Бранкебальм!

Крики, изъясления восторга!

Как только древняя вдова, графиня д'Эгбуид, которой было что-то около ста лет, в коричневой шелковой мантилье, держа в одной руке грелку, а в другой чучело старого попугая, и тряся головой, стала проворно взбираться на палубу, ей была устроена бурная овация.

Дома запирались, в магазинах закрывались ставни, везде опускались шторы и жалюзи; город пустел с каждым мгновением, и оттого улицы стали как будто шире.

Когда все наконец взошли на корабль, настала минута всеобщего самоуглубления, торжественного молчания, а молчать было особенно хорошо под пыхтение разводимых паров. Сотни глаз были устремлены на капитана – тот стоял в рубке и вот-вот должен был отдать приказ сниматься с якоря. Вдруг кто-то крикнул:

– А Тараск?..

Вы, наверное, слыхали про Тараска, про сказочное чудовище, от которого произошло название города – Тараскон. Напомню вам его историю вкратце: в давно минувшие времена это был страшный дракон, опустошавший устье Роны. Святая Марфа, после смерти Иисуса пришедшая в Прованс, отправилась в белой одежде к обитавшему среди болот зверю и на

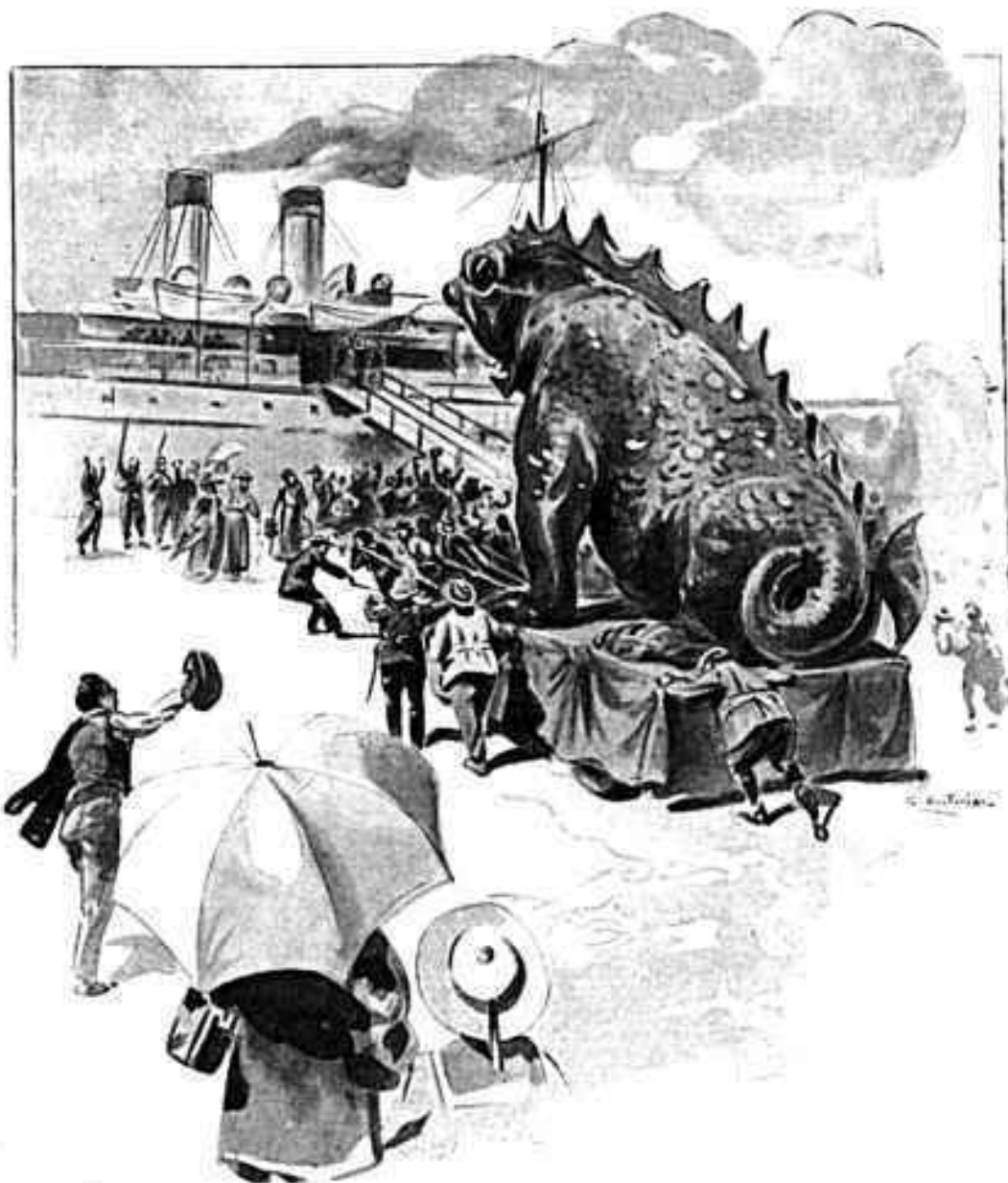
самой обыкновенной голубой ленте привела его в город – так непорочность и благочестие святой Марфы укротили и покорили зверя.

С тех пор тарасконцы через каждые десять лет устраивают праздник и водят по улицам сделанное из дерева и раскрашенного картона чудовище, помесь черепахи, змеи и крокодила, грубое, карикатурное изображение прежнего Тараска, ныне чтимого, как некий идол, живущего за счет города и известного во всей той стране под названием «отца-батюшки».

Уехать без «отца-батюшки» тарасконцам казалось немыслимым. Молодежь побежала за ним и сейчас же притащила на набережную.

Тут полились слезы и раздались восторженные крики, как будто в этом громоздком картонном чудовище была заключена душа города, душа целого края.

Внутри корабля Тараск бы не поместился, а потому его устроили на палубе, и там он, с полотняным животом и расписной чешуей, смешной, огромный, возвышавшийся над бортами, похожий на чудовище из какой-нибудь феерии, дополнял то живописное, необычное зрелище, какое представляла собой отправка «Туту-пампама», ибо Тараск казался одною из тех химер, которые бывают изваяны на носу кораблей, – химер, правящих судьбами путешественников. Его почтительно окружили. Некоторые разговаривали с ним, ласкали его.

Тартарен подумал, как бы эта волнующая сцена не пробудила в сердцах его сограждан сожаления о покидаемой отчизне, и по его знаку капитан Скрапушина громовым своим голосом подал команду:

– Полный вперед!..

Вслед за тем загремели фанфары, раздался свисток, под винтом забурлила вода, но все эти звуки покрыл голос Экскурбаньеса:

– *Дайте шумэть!*..

Берег в одно мгновение отдалился. Город, башня короля Рене – все отступало, уменьшалось, тонуло в солнечном свете, игравшем на волнах Роны.

Тарасконцы, склонившиеся над бортом, спокойные, улыбающиеся, без волнения следили за тем, как уходит от них родина, как она исчезает вдаль, – милый Тараск был теперь с ними, и они грустили не больше, чем пчелиный рой, меняющий улей под звон сковородок, или косяк скворцов, улетающих в Африку.

И в самом деле, Тараск покровительствовал им. Дивная погода, искрящаяся морская гладь, ни бури, ни ветра – на редкость благополучное плавание.

Только в Суэцком канале под жгучими лучами солнца путешественники слегка высунули языки, хотя на всех тарасконцах были головные уборы, которые они на себя надели в подражание Тартарену, а именно – обтянутые белым полотном пробковые шлемы с вуалью из зеленого газа. Впрочем, они не очень страдали от этого пекла, их давно уже приучило к нему небо Прованса.

После Порт-Саида и Суэцкого канала, после Адена, после того, как осталось позади Красное море, «Туту-пампам» быстрым и ровным ходом пошел через Индийский океан, под молочно-белым небом, бархатистым, как одно из тех чесночных блюд, один из тех чесночных соусов, который переселенцы ели за каждой трапезой.

В каком невероятном количестве потребляли они чеснок на корабле! Они взяли с собой огромный запас, и упоительный аромат чеснока был подобен струе за кормой – так запах Тараскона сливался с запахом Индии.

Путь корабля лежал теперь мимо островов, и острова эти всплывали на поверхность корзинками редкостных цветов, среди которых порхали, словно усыпанные драгоценными камнями, чудные птицы. Тихие прозрачные ночи, осиянные мириадами звезд, были точно пронизаны далекими, смутно различимыми звуками музыки и пляской баядерок.

Мальдивские острова, Цейлон, Сингапур были очаровательны, но тарасконки во главе с г-жой Экскурбаньес не позволяли мужьям сходить на сушу.

Свирепый инстинкт ревности заставлял их быть начеку в Индии с ее опасным климатом, с этими истомою дышащими испарениями, которые ощущались даже на палубе «Туту-пампама». Надо было видеть, как застенчивый Паскалон, плененный аристократической прелестью мадемуазель Клоринды дез Эспазет, высокой красивой девушки, по вечерам склонялся подле нее над бортом.

Добрый Тартарен, поглядывая на них издали, усмехался себе в усы, – он предчувствовал, что по приезде будет сыграна свадьба.

Заметим кстати, что с самого начала путешествия губернатор был решительно со всеми кроток и снисходителен и этим резко отличался от грубого и угрюмого капитана Скрапушина, который вел себя на корабле, как настоящий тиран: вспыхивал при малейшем вашем возражении и кричал, что он застрелит вас «как собаку». Терпеливый и рассудительный, Тартарен не перечил капитану, старался даже оправдать его в глазах пассажиров и, дабы отвлечь его гнев от ратников ополчения, подавал им пример неутомимой деятельности.

Утренние часы он посвящал изучению папуасского языка, а руководил им в этих занятиях его преподобие отец Баталье, бывший миссионер, знавший и этот язык и еще много других.

Днем Тартарен собирал всех на палубе или же в кают-компании и читал лекции, в которых он делился с аудиторией только что приобретенными им самим познаниями относительно того, как надо разводить сахарный тростник и что можно делать из трепангов.

Два раза в неделю преподавалась охота, так как, по слухам, колония изобиловала дичью, – это вам не Тараскон, где приходилось бить влет по фуражкам.

– Вы стреляете хорошо, дети мои, но вы стреляете чересчур поспешно, – говорил Тартарен.

У тарасконцев была слишком горячая кровь – надо было научиться держать себя в руках.

И Тартарен давал им превосходные советы, учил их менять темп стрельбы в зависимости от того, какую дичь выцеливаешь, учил их считать точно, как метроном:

– Для перепела – три темпа: раз, два, три – бах!.. Готово дело... Для куропатки, – тут он махал рукой, подражая полету птицы, – для куропатки достаточно двух: раз, два – бах!.. Можете подбирать – она убита.

Так проходили однообразные часы плавания, и каждый оборот винта приближал этих славных людей к осуществлению их мечтаний, – мечтали же они всю дорогу, тешили себя смелыми планами на будущее, в самом розовом свете представляли себе, что ожидает их по прибытии, говорили только о том, как они устроятся на новом месте, как распашут новь, какие введут улучшения на своих участках.

Воскресенье считалось днем отдыха, праздничным днем.

Отец Баталье с великой торжественностью служил на корме литургию. И когда он поднимал чашу с дарами, трубили трубы и воинственно били барабаны. После службы его преподобие рассказывал какую-нибудь занимательную притчу и преподносил ее не столько как проповедь, сколько как поэтическую мистерию, дышащую пламенной верой южан.

Вот одна из его повестей, наивных, как житие святого, изображенное на витражах ветхой деревенской церкви. А чтобы почувствовать всю ее прелесть, представьте себе только что надраенный пароход, сверкающий всеми своими медными частями, дам, усевшихся в кружок, губернатора в плетеном кресле, которого обступили начальники в парадной форме,

ратников ополчения, выстроившихся по бокам, матросов на вантах – всех этих затаивших дыхание людей, не спускающих глаз с отца Баталье, стоящего на амвоне. Стук винта вторит звукам его голоса. В высокое ясное небо поднимается прямая и тонкая струя пара. В волнах плещутся дельфины. Морские птицы – чайки, альбатросы – с криками летят за кораблем, и сам кривобокий «белый отец» в тот миг, когда он машет своими широкими рукавами, напоминает одну из этих огромных птиц, взмахивающих крыльями перед полетом.

V

Подлинная история антихриста, рассказанная его преподобием отцом Баталье на палубе «Туту-пампама»

– Снова в рай веду я вас, дети мои, в то обширное лазурное преддверье, где находится первоверховный апостол Петр со связкой ключей за поясом, всегда готовый распахнуть врата для избранных душ, как скоро они к нему явятся. К несчастью, с течением времени люди стали до того злыми, что даже лучшие из них после смерти не заходят выше чистилища, и доброму апостолу Петру остается только оттирать наждачной бумагой ржавчину с ключей да снимать паутину, прилепившуюся ко вратам, точно судебная печать. Временами ему чудится стук.

– Наконец-то!.. – говорит он. – Кто-то идет... Насилу дождался...

С этими словами апостол отворяет окошечко, но вместо тени избранника он созерцает лишь планеты, неподвижные или же текущие в пространстве с тем еле слышным шумом, с каким спелый апельсин срывается с ветки, и только этот шум и нарушает царящее вокруг вечное, безграничное молчание.

Можете себе представить, как это должно быть обидно для доброго, любвеобильного апостола, как сокрушается он денно и нощно, какие жгучие, какие горячие слезы текут у него из очей, оставляя на щеках две глубокие борозды, подобные колеям дороги между Тарасконом и Монмажуром!

В конце концов постоянное одиночество истомило бедного ключаря, он затосковал у себя в преддверии, и вот как-то раз его навестил святой Иосиф и сказал ему в утешение:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.